

Власть над речью не вернулась к Ябе в полной мере, но он мог изъясняться короткими фразами. Звук выходил тяжело и прерывисто, словно тонкая, едва сочащаяся струйка из замерзшей водопроводной трубы. Поэтому Ча И Сок установил жёсткий регламент: для выражения мыслей дозволялось использовать текст и голос поочерёдно, в равной мере, а пение – абсолютно запрещено.

Малейший несанкционированный звук, случайно сорвавшийся с губ Ябы, немедленно навлекал на него ледяной взгляд Ча И Сока, который ревностно отслеживал соблюдение правил.

При встрече с ассистенткой профессора, Лим Джин Хи, Яба поинтересовался, скажется ли исчезновение дара целителя на сроке его жизни, но получил уклончивый ответ. Поскольку, продлевая жизнь другим, целитель постепенно отдаёт свою собственную, логично думать, что если способности к исцелению не будет, то это не уменьшит её продолжительность.

В день возвращения голоса Ча И Сок и хитрая змея невольно оказались вовлечены в эксперимент, который доказал бессилие Ябы, поэтому для лечения пришлось обойтись аптечкой. Похоже, вернув голос, Сирена забрала взамен только дар исцеления. Она оказалась менее категоричной, чем можно было ожидать.

Произошло ещё одно важное событие: самку нашли мёртвой. Конечно, первым под подозрение попал Суни. Но вот мотив оставался загадкой, а место преступления выглядело слишком чистым. Тело жертвы было неестественно изогнуто, что говорило об отчаянной борьбе перед смертью. Встал вопрос: куда определить умершую – в пакет для обычных отходов или в пакет для пищевых. Поразмыслив, Яба решил замариновать. Ча И Сок вышел, чтобы купить стеклянную ёмкость, которая вместит крупную змею.

Раздался звонок у двери, на экране домофона появился незнакомец. Он назвал себя личным помощником Ча Мён Хвана и, почти в отчаянии, стал умолять впустить его: мол, должен передать нечто крайне важное. «Если не выполню поручение, мне снесут голову», – добавил он с мрачной убедительностью. Яба насторожился, но всё же открыл дверь.

Помощник вручил Ябе корзину с цветами. Среди стеблей виднелась небольшая карточка. Когда он удалился зазвонил телефон.

– Что же ты сразу не сообщил про такое радостное событие? – без приветствий начал Мён Хван. – Я поздравил бы тебя как положено!

В его тоне странным образом сочетались лёгкий укор и неподдельная забота. Яба ответил текстовым сообщением. Он старался экономить голос.

[О чём ты?]

– О твоём походе к урологу. Я слышал, что у певцов «Парадизо» кое-чего не хватает, и из-за этого у них такие голоса. Кстати, свои волосы тоже приведи в порядок. Чёлка слишком

длинная, а у тебя красивые глаза...

Ча Мён Хван сдержанно кашлянул. Ябу охватило волной мурашек. Как тот мог узнать о его интимной проблеме? Пребывая в шоке, он написал:

[Так ты правда сталкер?]

- Я говорил тебе, следить за языком.

Ча Мён Хван на мгновение отстранился от трубки, и спустя мгновение послышался долгий вздох.

- Отец зовёт. Позвоню позже. Может, поужинаем? Я приглашаю тебя во французский ресторан, куда таким как ты обычно путь заказан.

Как только Яба положил трубку, то первым делом обследовал квартиру в поисках скрытых камер и «жучков». Не зная, как обезвредить корзину цветов, он в итоге разобрал её, спрятав цветы и саму корзину по отдельности.

***

Ча И Сок всегда приходил на работу примерно в одно и то же время, но сегодня был особенный день - церемония его вступления в должность главы «Тэ Рён Груп». Настала кульминация: отбросить единокровного брата и занять его место - означало, определить весь смысл прожитых лет.

Всё в Ча И Соке - от пиджака и рубашки до, что удивительно, его выразительных глаз - было сплошной, поглощающей свет темнотой. Волосы, с подчёркнутой небрежностью зачёсанные назад, открывали высокий лоб и делали взгляд ещё более острым. Он сбросил с себя привычную расслабленность и в этот день облачился в безупречный костюм, как в боевые доспехи. Владелец грациозного силуэта бесшумно двигался вперёд, словно по водной глади, неумолимо сокращая дистанцию. Сердце Ябы то и дело тревожно сжималось.

Тап. Тап.

Яба отрывисто постучал по руке Ча И Сока и, поймав его взгляд, протянул чёрную коробку. Внутри лежал галстук, на его поиски Яба потратил весь предыдущий день, обойдя полгорода. Ча И Сок поддел золотую ленту, затем просунул кончики пальцев под чёрную упаковочную бумагу и медленно, потянув в разные стороны разорвал её. Во взгляде, скользнувшем под обёртку, читалось вдумчивое любопытство. Пониманию Ябы не поддавалось то, что даже такой простой жест, как разрывание бумаги, был преисполнен странного тёмного изящества.

В коробке Ча И Сок увидел аккуратно сложенный галстук кремового цвета. Он какое-то время

смотрел на него. Затем, не говоря ни слова, снял свой, цвета морской волны, галстук и бросил его на пол. Накинув на шею подарок, он неожиданно наклонился к Ябе. Два конца галстука свободно свисали, перекрещиваясь друг с другом.

- Завяжи.

Обычно из глаз текут слёзы, а из носа – сопли, но то, что извергает Ча И Сок своим ртом, совсем не похоже на речь. Яба не знал, что и думать. Положение стало затруднительным. Понятие Ябы о галстуках было исчерпывающим: их носят деловые люди. Однако, как превратить его в узел на шее Ча И Сока? Весь жизненный опыт Ябы оказался бесполезен для этой задачи. Он всегда носил лишь сценические наряды сомнительного производства и растянутые футболки.

Яба закусил губу, не отрывая взгляда от галстука. Ча И Сок беззвучно усмехнулся.

- Я же не освободить меня прошу, а как раз наоборот. Так почему ты так напрягся?

Ну же. Ча И Сок пропустил свои пальцы между опущенных пальцев Ябы, заставив того взять концы галстука. Ябе ничего не оставалось, как начать их перекручивать. Ча И Сок склонился ещё ниже, и их глаза оказались на одном уровне. Управляться с галстуком стало сподручнее, но теперь всё его внимание сводилось к точке, в которую были устремлены эти чёрные зрачки. Магнетический взгляд и мускусный аромат пресекали любую попытку сосредоточиться. Затылок запылал от ощущения близкого источника жара. Пока Яба сражался с галстуком, Ча И Сок начал позволять себе вольности и играть с его ресницами, касаясь их кончиками пальцев. Яба слегка повернул голову, пытаясь уклониться.

- Пропусти конец на другую сторону и затяни. Потуже.

Следуя указаниям Ча И Сока, Яба долгое время старательно придавал галстуку форму. Когда этот невероятный вызов был наконец завершён, он невольно вздохнул с облегчением. Кривой узел и перекрученная петля не оправдали потраченного времени и усилий. Когда Яба потянулся, чтобы развязать, Ча И Сок поймал его за руку и переплёл их пальцы.

- Тебе тоже надо подготовиться.

- К чему? – выпалил Яба, не дав себе времени даже взять карандаш.

Звук получился шипящим. Возможно почувствовав подобие собственной речи, хитрая змея подняла голову.

- К церемонии вступления в должность, – ответил Ча И Сок.

Яба несколько раз моргнул, очищая взгляд.

- Я?.. То..же?..

«Но... это ведь твой праздник. Твоя компания, ради которой ты годами имел дело с Ча Мён Хваном... Твой план, который чуть не провалился!»

Приобняв Ябу, Ча И Сок придавил сверху его макушку подбородком.

- Что же это получается. Запру тебя здесь, а сам пойду на гулянку?

Он сильнее сдавил переплетённые пальцы и потянул на себя. Их бёдра плотно прижались. Всматриваясь в лицо Ябы, Ча И Сок сурово нахмурил брови.

- Хочешь остаться дома?

- Не... нет.

«Нет!»

Яба замотал головой, не веря своей удаче.

Он хотел пойти. Очень хотел. Хотел посмотреть на место, которое так стремился заполучить Ча И Сок. Яба готов был даже ослепнуть после того, как увидит его на троне королевства «Тэ Рён».

Яба решительно поднял подбородок, своим видом выражая желание идти. Ведь Ча И Сок пригласил его в свои джунгли. Причин отказываться не было.

Вместе с тем, приглашение застало его врасплох, и выявило досадное обстоятельство: идти Ябе было не в чем. Он носил одежду Ча И Сока, а его костюмы висели на Ябе безразмерным мешком.

Перед тем как отправиться на банкет, они заехали в магазин одежды. Яба безразлично взирал на вещи, которые предлагала консультант. От обилия нулей на ценниках слезились глаза. Но это не вызывало никакого благоговения. Яба лишь думал:

«Столько одежды. Вот Морфину здесь было бы раздолье».

В то время как другие певцы компенсировали свою мужскую немощь скупанием люксового барахла, Яба заполнял свою пустоту антидепрессантами и ядом, а тратить время на шопинг он считал бессмысленным занятием. Его вкусы в одежде и современную моду разделяла такая пропасть, что даже Морфин порой начинал вопить от возмущения.

Ча И Сок медленно обошёл торговый зал, бегло окидывая взглядом развешанные вещи, и указал на некоторые из них небрежным жестом. Консультант, подобно верному оруженосцу, почтительно извлекла каждую из отобранных им моделей, чтобы продемонстрировать Ябе.

- Вам подойдет слегка приталенный крой, господин. С таким фарфоровым тоном кожи к лицу будет абсолютно всё.

В памяти всплыло лицо женщины, которая шила костюмы для певцов. И та самая кутюрье местного значения имела неосторожность делать Ябе похожие комплименты.

Тогда Ябе слышалось лишь: «розовый кабанчик, чьи бока растут быстрее, чем швея успевает записать мерки». После этого портновские очки превращались в горстку стекла и пластика, а принесённая ткань - в кучу рванья.

Если бы Яба снова встретил ту женщину, то возместил бы ей стоимость всех очков, которые он испортил.

Яба взял одежду и прошёл в примерочную. Его со всех сторон окружали зеркала. Он тщательно осмотрел помещение: нет ли скрытых камер, надёжно ли запирается дверь. Убедившись в безопасности, он наконец снял рубашку. Бледный человек тоже незаметно присоединился. Яба повернулся к нему спиной и снял брюки. Их отношения оставались неопределёнными, и они продолжали изучать друг друга, но с каждым днём их взгляды встречались всё чаще и становились всё продолжительнее. Это был добрый знак.

Только теперь Яба рассмотрел одежду, которую выбрал для него Ча И Сок, и остолбенел. Это был комплект в полу-формальном стиле: пиджак винного цвета с еле заметным блеском, серая жилетка, белая рубашка и белые брюки. Всё это дополнялось бежевым галстуком-бабочкой и выглядело безупречно. По крайней мере, на вешалке.

Он совершал нечто, на что раньше не решился бы даже под страхом смерти. Но раз уж его пригласили в джунгли, следовало соблюдать их законы. Яба сначала натянул брюки, а потом остальное. Привыкнув к мешковатой одежде, он чувствовал себя неловко в идеально сидящем костюме. Он пригладил растрепавшиеся волосы. Рука замерла над дверной ручкой. Тревога сковала его грудь - как воспримет его новый облик Ча И Сок?

Достав кредитную карту, которую хранил в нижнем белье, Яба покинул примерочную. Ча И Сок скучал в ожидании, развалившись на диване. Яба, делая вид, что не замечает его, направился напрямик к кассе. Сжимая в руке кредитку, он уставился на кассира широко распахнутыми глазами. Девушка, которая подбирала ему одежду, подбежала, цокая каблучками.

- Вы уже определились? Может, примерьте ещё что-нибудь?

Яба написал в блокноте лежащем на стойке:

[Хватит. Вся одежда одинаковая. Сколько?]

- Хорошо, хорошо. Одну минутку...

Девушка, срезав ценник с задней части воротника, встала перед Ябой и оценивающе осмотрела с головы до ног. Всё дело было в этом злокозненном взгляде, направленном на Ябу. Со спины. Возникла незримая, но ощутимая дрожь в воздухе. В этот момент Ча И Сок схватил Ябу за руку и развернул к себе. Он медленно изучил стоящий перед ним незнакомый силуэт. Выражение на лице было холодным и напряжённым. От этого взгляда хотелось спрятаться. Наконец Ча И Сок резюмировал:

- Похож на первокурсника в начале семестра.

Он произнёс это с неестественной для него интонацией, и снова замолчал. Вот, как Яба выглядел в его глазах. Отзыв не так уж и плох. Молчание играло на нервах Ябы. Галстуку-бабочке была уготована судьба сгинуть в кабинке ближайшего туалета. Яба поскрёб щёку. Ткань костюма непривычно скрипела и топорщилась. Ча И Сок поймал его запястье и опустил.

- Снова насекомые?

Неожиданно Ябе представился шанс увести его внимание в сторону от своего воротника, на котором отсутствовал один аксессуар. Яба тут же кивнул. Ча И Сок нахмурил брови.

- Не царапай. В машине мы от них избавимся.

Ча И Сок передал карту продавцу, продолжая искоса наблюдать за Ябой. Хоть тому и удалось вырваться из-под пристального взгляда, зуд в щеках остался. Тело стало скованным, будто нервы перестали проводить сигналы. Стоило волшебной карте коснуться платёжного терминала, как тот проникся почтительным трепетом.

Когда они выходили из магазина, телефон Ябы звякнул. На экране вызывающе мигала и прыгала надпись «Придунок». Ябе сообщали, что прокуратура официально объявила о назначении Ча Мён Хвану реального тюремного срока, что само по себе неслыханно. Его команда, разумеется, с жаром готовит апелляцию, но на фоне предстоящих президентских выборов игнорировать общественное мнение не получится. Одним словом, теперь у Ча Мён Хвана имелась судимость.

Яба инстинктивно попытался извлечь аккумулятор, но Ча И Сок опередил его, выхватив телефон. Взглянул на экран и застыл с таким выражением лица, которое заставляет кровь течь в обратном направлении. Исказив губы в подобии улыбки, он медленно поднёс аппарат к уху со словами:

- Нынче прокуроры совсем размякли. Стоит преступнику заявить о своём слабоумии, как ему

разрешают контакты с внешним миром.

Человек на другой стороне связи, вероятно оторопел, ожидая услышать в ответ лишь молчание. Ча Мён Хван сказал угрожающе низким голосом:

- Передай жулику трубку.

- Ну, я же не курьерская служба.

- Передай ему телефон, я сказал! Тошнит от твоего голоса.

- Он исчерпал все свои силы на мне, и теперь уснул наконец. Может, не будем его тревожить?

Ча И Сок отключил звонок и извлёк аккумулятор. Телефон Ябы шлёпнулся на дно мусорной корзины. Яба рванул к ней, чтобы вернуть его, но руку перехватили. Ча И Сок нежно поправил воротник его рубашки. Вслед за этим Яба ощутил острей взгляд в своём затылке.

- Теперь понимаешь, почему тебе надо сменить номер?

Молчание давало то, чего не давали слова: возможность уйти от правды, не солгав. Увы, но Ча И Сок этой идеи не разделял. Он всучил Ябе электронный блокнот и насильно вложил в пальцы стилус. От ощущение острого сверлящего внимания по позвоночнику пробежал холодок.

[Но, он ведь всё равно не сможет звонить из тюрьмы, при всём желании]

- Желании?

[Я не о том. Там ведь звонки не предусмотрены.]

- А если предусмотрят?

Попытки Ябы повернуть разговор в менее опасное русло, пресекались Ча И Соком, который неумолимо возвращал его к исходной теме и продолжал свой допрос. Атмосфера превратилась в токсичное болото. Ча И Сок решил покончить с разговорами и, схватив Ябу, потащил его к машине. Яба не сомневался, что после банкета, у него появится другой номер телефона. Теперь было даже интересно, сможет ли Мён Хван снова его найти.

* * *

После шопинга они прибыли к месту проведения торжественного приёма. Этот поход по магазинам, в котором, казалось бы, не происходило ничего особенного, истощил душевные

силы куда больше, чем физические. Как выяснилось, местом проведения церемонии вступления в должность выбрали семейный дом Ча. Владения поражали размахом: чтобы добраться от ворот до дома требовалась машина. И даже увидев здание сквозь арку, невозможно было оценить его размеры, оно ускользало от взгляда, распадаясь на крылья и галереи.

Картина, открывшаяся перед ним, противоречила его предположениям. Поскольку желающих вонзить нож в спину Ча И Сока было предостаточно, Яба ожидал увидеть унылое и малолюдное действо. Однако, собралось столько народу, что яблоку негде упасть.

Армия официантов в деловой униформе усердно обслуживала гостей. Один из них ловко налил шампанского на самый верх башни из бокалов и тотчас золотистый поток хлынул вниз, превратившись в праздничный водопад. Ледяная скульптура, предназначенная для снабжения гостей льдом, уже изрядно похудела, особенно в области бёдер. Под аккомпанемент оркестра приглашённые наслаждались ужином, стараясь сохранить безупречный вид своих платьев и костюмов. Они вели светские беседы, собравшись небольшими кружками, но едва Ча И Сок появился в зале, лица озарились приветливыми улыбками. Он вёл Ябу за руку, не обращая внимания на десятки глаз, уставившихся на них. Но для Ябы эти взгляды были слишком тяжёлыми. Задышавшись под их гнётом, он выдернул руку.

Худощавый секретарь Чан поспешно приблизился и поклонился. Он вежливо кивнул Ябе. Вокруг Ча И Сока обычно крутились одни чудачки, и такой обычный, ничем не примечательный человек выглядел особенно ярко потому, что был... нормальным. Секретарь Чан изредка заезжал к ним домой по срочным вопросам, так что Яба знал его лишь в лицо. И всё же у того было редкое качество: он внушал доверие без заискивания, а просто своей манерой держаться. На фоне Ча И Сока и его окружения, давно забывших, где проходит грань здравого смысла, Чан выглядел как гость из реального мира. Неудивительно, что сам Ча И Сок относился к нему с особым уважением. На лице секретаря читалась паника, что приходит, когда уже нечего терять.

- Господин президент, вы знаете, как долго ждут гости?

- Они же не ради меня здесь собрались?

- Почтенные гости могут оскорбиться, если такое услышат. Каждый из них почтил вас своим присутствием, чтобы поздравить.

- Ладно, пусть будет так, - небрежно кинул Ча И Сок.

Стресс, пережитый в ожидании руководителя, довёл секретаря Чана до грани физического распада.

- Кстати... вы, надеюсь, принесли текст своей торжественной речи?.. - спросил Чан.

Ча И Сок молча вытащил из кармана брюк смятый листок и протянул его секретарю.

- Не возражаете, если я взгляну?

Ча И Сок махнул рукой - мол, делай что хочешь. Секретарь вежливо разгладил лист и начал читать. Теперь-то Яба понял, чем прошлым вечером, сидя за столом с серьёзным видом, занимался Ча И Сок - рождал свою праздничную речь. И, видимо, роды прошли с осложнениями, потому что, прочитав написанное, секретарь Чан с тревогой произнёс:

- Прошу прощения, могу я кое-что подправить? Самую малость.

Ча И Сок охотно кивнул. Секретарь достал из нагрудного кармана ручку, зажал колпачок зубами и принялся уверенно вычёркивать строчку за строчкой:

- Не сочтите за труд... эта фраза - «Напьюсь как следует» - возможно, будет уместнее без неё? И здесь: «Готов служить Тэ Рён всем телом...» - я понимаю, вы имели в виду преданность, и в этом нет ничего дурного, но, - он сделал паузу, осторожно подбирая слова, - из ваших уст, оно приобретёт... иной оттенок. Скажем так, не самый безопасный. Ещё вот тут, и тут...

Секретарь Чан вымученно улыбнулся и продолжил:

- Простите за беспокойство. То, что я сейчас скажу, можете пропустить мимо ушей. Я, на всякий случай, сохранил кое-какие мысли для речи. Это ни в коем случае не значит, что речь господина президента плоха! - поспешил добавить он. - Просто ночью мне не спалось, решил размять запястье, вот строчку-другую и набросал.

Секретарь Чан достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и, стараясь избежать любопытных взглядов, незаметно сунул его Ча И Соку. Тот пробежался глазами по тексту и приподнял бровь. Затем похлопал секретаря по плечу. Эта резало по живому. Яба надеялся, что настанет день, когда подобные мелочи будут казаться ему именно мелочами.

- Пройдёмте. Все уже заждались. - сказал Чан.

Ча И Сок запустил руку в карман брюк, порылся там и, схватив Ябу за запястье, вложил в его раскрытую ладонь оранжевый комочек. Это была мышь с овальным тельцем, пушистой шерстью, глазами-бусинами и острым хвостиком.

- Поиграй с ней немного. Она ещё и пищит, - сказал Ча И Сок, нажав на оранжевое брюшко.

Иногда Ябу посещали сомнения: не употребляет ли Ча И Сок запрещёнку до сих пор.

- Скоро вернусь.

Длинные пальцы, которые только что гладили подбородок Ябы, отпустили его, и вот впереди лишь спина уходящего Ча И Сока. Взгляды, устремлённые ему вслед, были полны одновременно восхищения и страха.

- С назначением, господин Ча!

Его путь к трибуне сопровождался нескончаемым потоком комплиментов и пожеланий. Вдали мелькнула фигура жены Мён Хвана. Все полагали, что она полностью поглощена хлопотами о заключённом муже, поэтому её появление оказалось неожиданностью. Она избавилась от скандального образа неуравновешенной девицы, поднявшей руку на родственника. Теперь сцена требовала амплу светской львицы в элегантном платье, со стильной причёской. Её избитое сердце было подвешено для всеобщего обозрения в виде изящного красного цветка на груди.

Делу о покушении на убийство, не дали ход: пьяную жену Ча Мён Хвана, которая упала на парковке, якобы случайно обнаружил Ча И Сок и отвёз в больницу.

Когда он проходил мимо, их взгляды встретились.

- Поздравляю, молодой господин, - пробормотала она, отводя глаза.

Ча И Сок подарил ей свою самую ослепительную улыбку:

- В этом ваша заслуга, невестка.

Женщина онемела, превратившись в хрупкое изваяние. Толпа, не подозревающая об истинной подоплёке, лишь сочувственно цокала языками, глядя на несчастную супругу Мён Хвана, вынужденную присутствовать в такой неловкой ситуации. Однако о самом Ча Мён Хване, лишённом должности, никто не проронил ни слова.

Ён Джу не смотрела на него как на разрушителя своей семьи. Она по-прежнему провожала его трогательным взглядом школьницы, вздыхающей по молодому учителю.

Если всё, что делал Кокаин, было продиктовано любовью, то и поступки этой женщины - тоже?

Тогда, что происходит у них с Ча И Соком? Как это назвать?

Не обращая внимания на улыбки и поздравления, Ча И Сок прошагал как по скошенному полю и уверенно вошёл к трибуне. Там, среди пышных цветов, он приблизил губы к микрофону. За его спиной раскинул хищные крылья поздравительный баннер, возвещающий о новом властелине.

Платок в нагрудном кармане Ча И Сока издали походил на трофей – будто клык поверженного врага приколотый у сердца. Тот, кто дома валялся на любой свободной поверхности, теперь стоял на прямых ногах, попирая целое королевство. Раньше эти глаза оживали только при виде кошачьих игрушек, а сейчас бросали ясный, пронзительный свет. На миг забыв об одиночестве безумной гонки, он позволил себе улыбку победителя. Взгляд опального принца, которым он взирал на мир, исчез.

Его зрачки не подчинялись физическим законам: они трансформировались, плавись и растворялись. Их цвет и тепло зависели от времени и места, и в этой изменчивости заключалось абсолютное совершенство.

В свете софитов блеснули клыки, отточенные в жёсткой борьбе.

- Добрый вечер. Я новый президент Ча И Сок.

Ленивым голосом он зачитал приветственную речь, которую секретарь Чан набросал «для разминки запястья». Но благодаря удачно вплетённым шуткам официальный тон церемонии заметно смягчился.

- Как президент Ча повредил руку? – перешёптывались пожилые дамы вокруг Ябы.

О травме Ча И Сока ходили невероятные слухи: то ли это была ссора между братьями, дошедшая до поножовщины, то ли кто-то из старых недругов затаил злобу и подослал киллера. Каждая новая версия, начинала жить своей жизнью дополняясь деталями. Мужчина, похожий на орангутана, он бросил свою реплику и слухи замкнулись в идеальный круг:

- Кто может затаить злобу на господина Ча И Сока?! Просто, уж слишком вид у него благородный, отсюда и недоразумения. Но те, кто знают его поближе, понимают, какой он редкий человек. Ха-ха-ха!

Мужчина-орангутан, закатив голову, громко расхохотался. Его щёки задорно затряслись. Женщина среднего возраста, напоминающая раздражённого электрического сома, изобразила улыбку:

- С такой поддержкой, как председатель Лим, господину Ча И Соку море по колено.

- Ох, какая же вы добрая! Ха-ха-ха!...

От их сытых лиц, искажённых одним и тем же притворным порывом, несло гнилью. Эти люди существовали в элитном изолированном мире, составляя 1 % они за обсуждением выдержки шампанского наблюдали как остальные 99% сражаются с жизнью до кровавого пота. В этой изысканной и жестокой своре жена Ча Мён Хвана, возможно, находилась на самом дне пищевой цепи.

Но если бы Ябу спросили, жалеет ли он, что оказался здесь, то он ответил бы без сомнений: «Напротив. Это лучшее место, куда я мог попасть».

Джунгли Ча И Сока были самой примитивной системой из всех, что Яба знал, и, как любое дикое скопление, - совершенно непредсказуемой.

<http://bllate.org/book/14585/1293849>